

Гражданская позиция для Андрея Вознесенского

Ностальгические воспоминания о радиожизни 80-х
корреспондента программы “Время”

Вот уже несколько лет в программе “Время” с самыми интересными событиями, происходящими в мировом искусстве, чаще всего — в музыке, нас знакомит Татьяна Бодрова. Но до того у нее были историко-филологический факультет МГУ, отделение музыкальной комедии ГИТИСа и — полтора десятилетия работы на радио.

— Мой отец был капитаном первого ранга и служил на Северном флоте, а мы с мамой жили у бабушки в Иванове, где есть прекрасный Театр оперетты. Я мечтала стать артисткой оперетты, с шести лет стояла у балетного станка и знала наизусть все опереточные арии. Но мама была строга: “Сначала получи профессию.”

Я закончила историко-филологический факультет и умолила декана послать меня на Алтай: где-то прочитала, что там растут самые красивые в мире цветы. Мы ехали в поезде по нескончаемой степи. И вдруг я увидела поселок с покосившимися избами, такой же покосившейся двухэтажной школой с амбарным замком и прекрасными подсолнухами. В этой школе я преподавала год: русский, литературу, историю, вела уроки в вечерней школе у трактористов, драматический и танцевальный кружки для детей.

Потом я приехала в Москву и поступила в ГИТИС на музыкальное отделение. Когда Сергей Федорович Бондарчук искал актрису на роль Наташи Ростовой, меня привели к нему, одели, причесали, сделали фотопробы, которые как будто ему понравились. Все это осталось только моей мечтой. Но именно Сергей Федорович посоветовал мне поступать в ГИТИС.

— Когда же началась журналистика?

— С радиостанции “Юность”, где проработала семнадцать лет. У меня была передача — “Мир увлечений” — для коллекционеров грамзаписи. Она шла по первой программе в 23 часа 05 минут и выходила в эфир более пятнадцати лет. В то время слово “рок” произносить было нельзя, тем более — “крутить” рок-группы. Западные были под запретом, наши — в подполье.

— Где же вы брали информацию, записи, если у вас ничего не было?

— Тайком привозили диски с Запада, их переписывали, да и сама я платила деньги из скудной зарплаты, чтобы получить несколько

самых последних композиций и дать в эфир. Очень помогли мне в этом Дима Шавырин (это он потом придумал “Звуковую дорожку” в “Московском комсомольце”), Эдуард Сагалаев и Борис Непомнящий — в разное время главные редакторы “Юности”. Также помогал Петр Ильич Шабанов, тогдашний директор фирмы “Мелодия”, предоставлявший любые лицензионные пластинки. Чуть позже мне вручили “Золотой диск” фирмы “Мелодия”, который обычно дается только исполнителям.

— Но ведь после каждой передачи вас могли уволить...

— А мы так и работали: считая, что каждая передача последняя. Тогда наша идеология заставляла нас заглушать знаменитого Севу Новгородцева, поскольку, как и он, мы старались знакомить слушателей с отечественными рок-группами: ДДТ, “Чайф”, “Ария”, “Алиса”, Гариком Сукачевым с его “бригадирами”, крутили “Наутилус” и “Машину времени”... Помню, ко мне в студию пришел Борис Гребенчиков со своим “Аквариумом” — их тогда никто не знал, они выступали где-то в питерских подвалах. Наша передача, пожалуй, одна из первых познакомила с ними слушателей. Борис все спрашивал: “Неужели пройдем?...”

— А какие хит-парады вы проводили с Александром Градским!..

— Он такой же отчаянный человек. Мы с ним столько спорили и ссорились! С начальством-то приходилось разбираться мне, а не ему. Мне говорил заместитель председателя Гостелерадио Юрий Орлов: “Товарищ Бодрова, всю молодежь вы увели не в ту сторону, дали бы им вместо вашего рока послушать песню “Там вдали за рекой”, например.” — “Почему бы и нет? — говорила я, — хорошая песня”. Ставила ее, а затем шла рок-музыка.

Мне помогали и Саша Ситковецкий, Стас Намин, Алла Пугачева. Помню, Стас впервые привез в “Лужники” знаменитые группы “Скорпионз”, “Синделелту” и “Бон Джови”. Я вела репортаж из комментаторской кабинки, тут же

брала интервью у Клауса Маина — лидера “Скорпионз”, Джона Бон Джови... А потом приезжали “Статус Кво”, Оззи Осборн и впервые вживую выступали на “Юности”.

Ведь в эфир не пропускали даже Валерия Леонтьева (в то время он выступал, пожалуй, только на БАМе). Андрей Вознесенский специально для него написал песню “Муза”, и мы дали ее 8 Марта. Опять скандал и выговор. Голос у него, видите ли, хрипловатый...

— Я помню, что вы еще делали большие передачи о классической музыке и литературе...

— На “Юности” была передача “Ваш собеседник”. Первую мы сделали с Андреем Вознесенским, а начальство, прослушав, запретило ее. Оказывается, у поэта нет гражданской позиции. Мы с Андреем долго ее “придумывали”, и передача все же вышла. Такие же истории происходили с Родионом Щедриным, Беллой Ахмадулиной или Софией Губайдулиной. На радио постоянно приходил список запрещенных лиц. Белла Ахмадулина входила в него часто: то опубликует какое-нибудь стихотворение в западном журнале, то выступит в защиту Сахарова...

— Что-то мы все про радио, да про прошлое, хотя, конечно, программа на “Юности” была необыкновенная...

— Ностальгия. На телевидение я попала после распада “легендарной” “Юности” в период “демократической” эйфории. Меня сюда уговорил пойти Борис Непомнящий, а заявление подписал Эдуард Сагалаев и сказал: “Радио есть радио, а картинку ни с чем не сравнишь”. Конечно, было трудно: я вела прямые двухчасовые передачи, а здесь, в программе “Время” мне за полторы-две минуты нужно представить зрителям моего собеседника, да еще и взять у него интервью. Или же за короткое время рассказать о премьере в каком-либо театре. Это особый жанр, не менее прекрасный.

Беседу вела
Лидия ГАЛУЩЕНКО